

ИГОРЬ ПЛОТНИКОВ

Четки

Игорь Плотников

Четки

«Издательские решения»

Плотников И.

Четки / И. Плотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932227-2

Книга о жизни и смерти, счастье и боли, свете и тьме — обо всем том, для чего люди приходят в этот мир и проходят в нем свои уроки и испытания.

ISBN 978-5-44-932227-2

© Плотников И.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
1. Солнце	8
2. Ветер	14
3. Колдун	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Четки

Игорь Плотников

*Той Силе, которая ведёт меня по жизни
к неясной пока мне цели,
через трудности и препятствия
освобождая мой Свет
и делая возможным в моей жизни Чудо.
Женщине, которая мои дни наполнила своим Светом и Любовью,
принесла в мою жизнь
новый смысл и стала основной
причиной написания этой книги.*

© Игорь Плотников, 2024

ISBN 978-5-4493-2227-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Маленький приморский городок на юге Испании. Чистенькие узкие улочки, аккуратные домики, сложенные из дикого камня под красными черепичными крышами, много поздних осенних цветов, столики кафе на тротуарах – внешне совсем обычный, каких много. В этот городок нас привело странное, слишком частое появление на трассе указателей с его названием во время нашей первой дальней поездки, и когда встал выбор, где провести очередной день, было принято решение – заглянуть сюда.

С трудом припарковав громоздкую машину на узенькой площадке, мы быстро обошли древний исторический центр с его тесными улочками и переулками и не нашли ничего особенного. Городок казался спящим. Несмотря на то, что магазинчики были уже открыты, в кафе сидели люди и на встречу попадались редкие прохожие, казалось, что жизнь в нем остановилась.

Сделав несколько снимков и полюбовавшись на странные камешки в витрине магазина, мы решили пойти к реке. Я начал уже расстраиваться, что ошибся в своих ощущениях и мы зря потратили такое замечательное солнечное утро.

По дороге нам захотелось заглянуть в средневековый собор, совершенно неприметный, ничем не отличающийся от других таких старых церквей в маленьких испанских городках. С усилием открыв тяжелую скрипучую дверь, мы зашли внутрь, прошли по полутёмному залу к алтарю и сели на скамейку напротив изображения Иисуса, как показалось, сделанного с оттиска на «Туринской плащанице».

В соборе был густой полумрак и удивительно, не естественно для осеннего дня, тепло. Очень быстро возникло ощущение домашнего уюта, который расслаблял и успокаивал. Через витражные окна внутрь помещения струились разноцветные лучи полуденного солнца и яркими пятнами ложились на площадку перед алтарем, мощенную древними вытертыми плитами.

В этом пространстве было настолько спокойно и торжественно, что постепенно я стал погружаться в транс. По спине побежал холодок предчувствия волшебства, голова стала тяжёлой, ушли мысли и ощущения окружающего мира. Затем, неожиданно, пространство вокруг стало оживать и в какой-то момент я увидел себя и мою любимую в радужном тумане, окружёнными со всех сторон доброжелательно улыбающимися сияющими образами.

Мысли и чувства замерли. Неожиданно, где-то глубоко внутри сознания прозвучал мелодичный голос, сказавший, что идеи наших книг услышаны, будут поддержаны и главная встреча, когда мы будем к ней готовы, ещё впереди.

Затем, постепенно, образы стали тускнеть и вскоре я опять ощутил себя сидящим в полутёмном зале, осознавая, что меня потряхивает, будто бы от проходящего электрического тока. Видимо, под его влиянием зрение расфокусировалось и я увидел сквозь старые плиты пола, глубоко внизу под алтарем мощный источник сияния небесно-голубого цвета, от которого вверх струились лучи, заливая все пространство вокруг. Почему-то возникла ассоциация с излучающим потоки энергии ядерным реактором.

Я взглянул на мою любимую женщину и понял, что она видит то же самое. А мои слова: «Хорошо бы...», мы практически одновременно закончили фразой: «Лечь вон там», и одновременно показали на площадку перед алтарем, светящуюся под действием бьющих из глубины лучей. Затем, снова одновременно сказав: «А почему бы и нет?», мы усмехнулись полной синхронности своих слов и действий, подошли к краю площадки, не сговариваясь, одновременно скинули обувь и легли на старинный ковер в центре сияющего круга.

Я смутно помнил, что затем происходило, так как сознание отключилось практически сразу. Помнил, что в собор заходили люди и увидев нас двоих, лежащих перед алтарем в форме

креста, быстро уходили. Помнил чувство глубокого покоя, счастья и уверенности, что наши мечты сбудутся...

Выйдя из собора, мы молча пошли к реке, где уселись на каменные плиты моста, пытаюсь понять и осознать произошедшее. Сомнения в его реальности разбивались о тот факт, что всё это мы видели и чувствовали совершенно одинаково, одновременно произносили одни и те же слова и совершали действия. Но если увиденное было реальностью, значит для нас наступал новый период, в котором, наконец, смогут воплотиться наши планы.

Мы долго сидели на отполированных за столетия камнях погрузившись в свои мысли, а внизу под мостом весело мчался, переливаясь и разговаривая сам с собой речной поток, который уносил нашу прежнюю жизнь, освобождая место для жизни новой.

Вернувшись в городок, мы очень удивились. Его пространство ожило, наполнилось золотистым сиянием и, казалось, радостно встречало нас, показывая свои тайны, а на его улицах закипела жизнь, причём, тайная и давно ушедшая. Вокруг мелькали еле уловимые тени прошлых эпох. Образы дам, кавалеров, простого народа окружали нас со всех сторон. И этот мир жил, радовался солнцу и улыбался...

Мы побродили по узеньким веселым улочкам, наслаждаясь их праздничным весельем, затем решили поехать в другой городок по соседству с тем, чтобы успокоиться и привести в порядок свои мысли. Тот городок, нарядный и праздничный, ещё больше поднял нам настроение веселой музыкой, яркими осенними красками и теплым полуденным солнцем.

В центре этой красоты, на главной площади мы нашли старый готический собор и просидели в нём довольно долго, ожидая нового чуда. Но ничего, даже отдаленно похожего на предыдущую историю, не произошло. Нас окружало просто чистое и гулкое пустое пространство, наполненное струящимися через высокие витражные окна разноцветными лучами.

После собора мы опять погуляли по улочкам этого милого городка, долго сидели на скамейке в сквере, любуясь яркими осенними цветами и облаками, плывущими по голубому небу, затем, для чистоты эксперимента решили поехать в третий собор неподалеку. Он встретил нас тёмным, холодным, совсем не уютным пространством, руганью священника со старой женщиной, видимо, уборщицей и его словами, что нам нужно быстрее уходить, чтобы освободить зал для какого-то мероприятия.

Окончательно стало понятно, что утреннее чудо никак не связано с религией, являясь проявлением древнего места Силы, и что всё случившееся для нас очень серьёзно.

1. Солнце

Солнце, полностью выбравшись из-за края земли, повисло над пустыней тусклым оранжевым шаром, еще не жарким, приглушенным разноцветной дымкой висящей в воздухе пыли. Тени на скалах и склонах барханов стали фиолетовыми, постепенно меняя оттенки от темного, почти черного, до сиреневого. Внезапно, по всему видимому пространству прошла волна ветра, подняв клубы пыли, и сразу после нее громко зазвенела жизнь вокруг – пустыня просыпалась.

Старик с трудом расправил затекшие ноги и кряхтя, держась за спину поднялся с рваной циновки, расстеленной на большой каменной плите, на которой он проводил свой ежедневный ритуал встречи своего Бога.

Ковыляя он прошел в маленькую пещерку, многие годы служившую ему жилищем, в дальнем темном углу взял посуду, разломал и положил в глиняную плошку куски сухой лепешки, залил их кислым молоком и не спеша стал есть свой завтрак, который затем был дополнен горстью свежих фиников и кружкой солоноватой воды со вкусом пустыни.

Голоса снаружи пещеры вывели его из задумчивости. Сделав еще пару глотков, он встал с плоского камня, служившего ему и столом, и кроватью, достал из мешка и разложил различные снадобья и вышел из своего жилища, шурясь от яркого сияния солнца, уже довольно высоко стоявшего в выцветшем до белизны небе.

В почтительном отдалении от входа в пещеру его ждала разношерстная толпа людей. Там было несколько женщин, державших на руках завернутых в лохмотья детей, лежащий на носилках и громко стонавший мужчина в окружении родственников и пара воинов в доспехах, но без оружия, с трудом державших на ногах своего, обмотанного окровавленными тряпками товарища.

Люди стояли и молча, терпеливо ждали, стараясь закрыться от все более обжигающего сияния ослепительного диска, висящего в небе.

Старик жестом показал им, что они могут пройти и расположиться в тени под легким навесом, сделанным из жердей, накрытых сверху сухими пальмовыми листьями, ткнул пальцем в раненого солдата и молча вернулся в свое жилище, не сомневаясь, что будет понят правильно.

Воины помогли своему товарищу пройти в полумрак пещеры и лечь на каменную плиту, в нерешительности постояли у входа, дожидаясь указаний и, не получив их, вышли наружу.

Старик размотал окровавленные тряпки, осмотрел глубокие раны, нанесенные, видимо, когтями и зубами какой-то большой кошки – леопарда или льва, покачал головой, достал из плошки с каким-то раствором костяную иглу с нитью и, не обращая внимания на стоны, стал их зашивать. Закончив работу, он смазал раны остро пахнущей мазью и замотал чистым холстом. Затем, он положил ладони на грудь раненого, закрыл глаза и замер в тишине. Вскоре затих и воин, погрузившись в транс.

Через некоторое время старик пришел в себя, шлепнул воина по щеке с тем, чтобы тот очнулся, помог ему встать и вывел из пещеры, передав в руки удивленно и испуганно смотревших на них товарищей.

Один из них почтительно передал старику корзинку с едой в качестве оплаты и дрожащим от волнения голосом начал благодарить.

– Благодарю Ра, – грубо оборвал его старик, повернулся к навесу и кивнул одной из женщин, державшей ребенка, показывая жестом, что она может пройти в пещеру...

Солнечный диск уже спустился к горизонту и потускнел, когда старик окончил свою работу. Оглядев оставленные у входа в пещеру подношения, он взял из высокой стопки пару лепешек, немного фиников, кувшин с молоком и кивнул стоявшим в отдалении женщинам,

пришедшим, как обычно, из соседней деревни за своей частью подношений, дав понять, что остальное они могут забрать себе.

Есть ему не хотелось. Сделав пару глотков воды, он неспешно пошел прочь от своего жилища в глубь пустыни.

Солнце уже почти касалось горизонта, когда старик взобрался на небольшую скалу, торчащую из песка поодаль от его убежища. Камень еще сохранял дневной жар и сидеть на нем неподвижно было не просто. Но старик, казалось, этого не замечал. Его взгляд был направлен в сторону уходящего за горизонт, тускнеющего солнечного диска, а губы еле слышно произносили слова молитвы...

Ночная темень быстро поглотила все вокруг, но пустыня не засыпала. Продолжали громко трещать цикады, где-то неподалеку всхлипывали детскими голосами шакалы, порывы теплого ветра приносили терпкий запах трав, дыма костров из деревни, теребили спутанные длинные волосы старика, пробуждая что-то давно забытое, наполняя щемящей тоской его сердце.

Знакомой тропой он вернулся в свою пещеру, расстелил на каменной плите циновку, улегся и закрыл глаза. Но сон не приходил. Старик долго ворочался, устраивая поудобнее уставшую за долгий день спину и пытаясь понять, что с ним происходит и откуда взялось это волнение. Внезапно, он вспомнил глаза одной из тех женщин, которые приходили днем за помощью. Эти глаза как-то особенно выделялись на ее покрытом пылью смуглом лице и, несмотря на то, что были полны слез, ярко сияли. И теперь, в его сознании, эти глаза в упор смотрели на него, проникая глубоко в память и постепенно оживляя образ другой женщины, который он много лет пытался забыть...

...Бешеный ритм музыкальных инструментов постепенно стихал. Изгибающиеся в танце тела еще отбрасывали фантастические тени на уходящие высоко в глубокую темень колонны храма. В воздухе резко пахло благовониями, тлеющими на жаровне травами и сладким запахом обнаженных женских тел, мокрых от пота.

Тела двигались все медленнее, подчиняясь движению музыки и, когда она внезапно стихла, в изнеможении рухнули на каменные плиты. В центре зала осталась стоять лишь одна невысокая фигурка девушки, которая отличалась от остальных тем, что на ней была набедренная повязка и золотой обруч на лбу с огромным зеленым камнем в центре. Глаза у девушки были прикрыты и, казалось, она что-то рассматривает в глубине своего сознания.

К девушке, переступая через лежащие на полу тела, осторожно подошли двое мужчин в роскошных одеяниях верховных жрецов главных храмов страны и встали рядом, словно чего-то ожидая. В густом сумраке храма повисла напряженная тишина. Было слышно только легкое хлопанье висящих между колоннами тяжелых, расшитых золотом занавесей, колеблющихся от легкого сквозняка, и откуда-то издалека, с улицы, доносилось стрекотание цикад.

Внезапно, девушка, не открывая глаз заговорила, а жрецы стали напряженно слушать, стараясь не пропустить ни одного слова. Затем, они тихими голосами задали ей несколько вопросов и, получив на них ответ, подозвали стоявшего поодаль служителя. Тот подошел, поставил к губам девушки чашу с какой-то жидкостью и дал возможность сделать несколько глотков. Вскоре, она слегка качнулась и открыла глаза, показавшиеся в сумраке храма огромными черными звездами, сияющими на ее смуглом, скуластом лице. Ощущение этого сияния еще больше усиливало мерцающее отражение пламени многочисленных светильников, зажженных после ее пробуждения.

Ее бережно проводили к одной из высоких скамей, стоявших вдоль стен, и оставили приходив в себя после глубокого транса. Постепенно, сознание полностью к ней вернулось, и она с интересом стала наблюдать за продолжением ритуала, посвященного празднику плодородия,

разглядывая многочисленных гостей в пышных нарядах, толпящихся в огромном помещении, заставленном рядами уходящих в темную вышину колонн.

Внезапно ее глаза встретились с пристальным горящим взглядом, устремленным на нее из полутемного закоулка храма. Стараясь не выдавать своего любопытства, девушка осторожно пригляделась и увидела незнакомого юношу, облаченного в одеяния жреца одного из городских храмов.

Поняв, что она его заметила, юноша в смущении отвернулся, но тут же справился с собой и посмотрел на нее уже откровенно восхищенным взглядом...

...Утро началось как обычно. Старик затемно поднялся со своего каменного ложа, в серых утренних сумерках добрался до места утренней молитвы и замер в ожидании. Несмотря на утреннюю прохладу, он сидел на своем камне совершенно неподвижно, вглядываясь в розовеющий край неба. Ветер пустыни приносил ему запахи дальних стран, океана, пряных трав, играл его спутанными волосами, словно стараясь обратить на себя его внимание, но старик продолжал сидеть совершенно неподвижно, ничего не замечая вокруг, остановив свой взгляд на светлой полоске на горизонте...

– Тебе нужно принять Ра в свое сердце, тогда он будет проявляться через тебя, рассказывать о будущем, давать советы жрецам. Его Светом ты даже сможешь лечить людей. Это мне сам Ра сказал.

– Но как теперь я смогу принять Его в себя, в свое сердце, если там все занято тобой?

– Не говори глупых слов. Ты не можешь меня любить, а я тебя. Мы должны любить только Ра.

– Теперь я могу любить только тебя. Давай уйдем в пустыню, где нас никто не найдет. Построим там хижину и будем вместе до самой смерти!

– Нас обязательно найдут. Тебя убьют, а я навсегда буду заперта в нижнем храме.

– Тогда что нам делать?

– Жить, любить Ра и знать, что есть ты и есть я. Прими Ра в свое сердце, Он подскажет выход...

– Он подскажет выход... Старик усмехнулся – в памяти его всплыли проведенные в пустыне после того разговора долгие дни, полные молитв и обращенных к Небу вопросов, что от может сделать, чтобы быть вместе с ней? Ответ пришел в словах старого паломника, проходившего мимо: «Ра во всем! Он в тебе и во мне, в действии и бездействии. И что бы ты не сделал, это сделал Ра!

– А если нужно нарушить закон и полюбить жрицу храма Ра?

– Я уже сказал тебе, все вокруг, это Ра – и тот, кто дает закон и тот, кто его нарушает, и тот, кто наказывает за нарушение. Дело за тобой, какую из его ролей ты готов сыграть. Но мудрый будет действовать с Ра в сердце, отдавая Ему и само действие, и его результат.

– А если принять Его в сердце и дать Ему возможность через себя любить жрицу Его храма?

– Выбор за тобой. Пробуй, если ты уверен, что сможешь удержаться от обмана, не присвоив все себе...

– Я теперь могу любить тебя, потому что у меня в сердце Ра! Мы будем вместе с Ним тебя любить!

– А чьи губы будут меня целовать, твои, Его, ваши? Глупый мальчишка, убирайся, пока тебя не поймали.

– Я не могу уйти. Я буду тебя любить, только я!...

– Принять Ра в сердце не так уж сложно, – подумал старик. – Сложнее принять последствия. Принять для себя тот путь, который теперь Он будет прокладывать, принять и пойти по нему. Причем, другого пути уже не будет. Ведь нельзя уже будет попросить Ра уйти из сердца. Попросить, конечно, можно, но лучше уж сразу умереть. Ведь как дальше жить с той дырой, с той пустотой, которая останется после ухода Ра?...

– Ты самое большое счастье в моей жизни. Обнимать тебя, целовать твои губы, сливаться с тобой в одно, разве может быть в жизни что-либо прекраснее этого?

– А как же твое служение Богу? Твои клятвы?

– Мне кажется, я служу ему, когда обнимаю тебя. Ведь мое наслаждение и счастье – они не помешаются в моем сердце. Они переполняют его, вытекают наружу в этот мир и, возможно, делают его счастливее. Разве это не служение?

– Жрецы твоего храма думают иначе.

– Мне не важно, что они думают. Мне важно, что думаешь и чувствуешь ты!

– Я чувствую, что люблю тебя! Но мне страшно! Страшно за тебя, за нас! Страшно за наше будущее. Ведь если тебя здесь увидят, ты умрешь.

– Я умру, если больше не увижу тебя! Так что выбора нет!

– Выбор всегда есть.

– Возможно. Но ты готова к тому, что я больше не приду?

– Я и думать об этом не хочу. И не могу.

– Ра нам поможет!

– Ра заботится о всем мире, а не о отдельных муравьях, его населяющих. Чем мы отличаемся от тех двух пальм, которые вчера срубили у ворот храма? Разве Ра им помог? А ведь они были молодыми и красивыми, и их вина была только в том, что они выросли не в том месте.

– Но мы же служим Ему?

– Служим, нарушая закон, который он дал людям? Ведь этот закон был дан, чтобы сохранять мир Ра!

– А зачем Ему мир без любви? Пустые, мертвые обряды – какой в них смысл? Слепое поклонение – оно Ему зачем? Разве садовнику нужно, чтобы цветы в его саду ему кланялись? Ему радостно, когда они цветут, дают свой аромат и украшают его мир.

– Расскажи это своим жрецам. Что они тебе ответят?

– Они просто не умеют или боятся любить...

– Я не боюсь любить. И я люблю Ра! Люблю за то, что он создал тебя и позволил нам встретиться...

– Принять Ра в сердце не трудно, – опять подумал старик. Каждое утро он это делает. Встречает восход солнца, открывая ему свое сердце, наполняя себя волшебной энергией Ра, которую, затем, отдает людям, исцеляя их. Ра вошел в его сердце и проложил ему этот путь, забрав счастье любви женщины и наполнив своей любовью. Любовью ко всему саду, а не к одной только розе, пусть даже и самой прекрасной в нем...

Солнце двигалось по своему небесному пути и вместе с ним двигалось время, наполняя день мельтешением образов людей, нуждавшихся в помощи. Старые женщины, закутанные в темное тряпье, матери с детьми, калеки – все было как обычно.

Когда солнце стало клониться к горизонту, тени стали длиннее и поток людей иссяк, старик сел на камень у входа в свое жилище и опять провалился в свои мысли. Он смотрел на далекие облака на горизонте, одновременно пытаясь понять, что с ним происходит. Его привычное спокойствие куда-то ушло и на месте привычной безмятежной радости обосновалось что-то болезненно щемящее, похожее на чувство голода. Но это был не физический голод,

который можно легко утолить горстью фиников и куском лепешки, а болезненная потребность в чем-то крайне важном и давно спрятанном в глубине памяти. Опять в памяти всплыли глаза приходившей недавно женщины, полные слез, боли и надежды...

Из забытья его вывел приглушенный шепот. Старик очнулся, открыл глаза и увидел перед собой совсем юных юношу и девушку, которые, держась за руки, с испугом вглядывались в его лицо, видимо, боясь потревожить. Он подозвал их к себе жестом, но девушка покачала головой, подтолкнула в его сторону своего друга, а сама накинута на лицо покрывало и отвернулась.

Юноша робко подошел к старику, постоял в нерешительности под пристальным взглядом, а затем, волнуясь и запинаясь, начал рассказывать про их историю, про то, что они любят друг друга, но родители против, и что она беременна и когда об этом узнают родители, их обоих жестоко накажут.

Старик слушал сбивчивую речь парня, поглядывая на девушку. А та сбросила с лица покрывало и смотрела на него огромными заплаканными глазами, полными страха и надежды.

– Ну вот опять, новые жертвы любви, – подумал старик.

Сколько таких пар, поддавшихся своей страсти, он видел за свою жизнь. Они приходили напуганные, полные страха и раскаяния, в надежде на то, что он совершит чудо. Но Ра дарует жизнь, а не забирает ее. Ра дарует жизнь даже, если ребенок не будет принят семьей девушки и, в лучшем случае, будет продан в рабство, а в худшем – принесен в жертву богам. Ра дарует жизнь даже, если юные родители будут убиты. Ра дарует жизнь, а жизнь уже сама распоряжается собой.

– Я не могу вам помочь, – сказал старик юноше. – Я не могу прервать жизнь вашего ребенка.

– Что же нам тогда делать?

– Смирно принять волю богов.

– Тогда мы уйдем в пустыню.

– Это твое решение, как и в тот момент, когда ты разрешил себе нарушить запрет и поцеловать свою девушку. Но в утешение скажу, что иногда, когда мы принимаем правильное решение, боги нам помогают.

Старик смотрел на удаляющуюся пару – сгорбленную от горя и страха фигурку девушки и на молодого человека, что-то горячо ей доказывающего, и думал о неумолимом потоке жизни, который несет куда-то людей, заставляя их совершать поступки, раскаиваться в них, и опять совершать и раскаиваться, пока черная пелена смерти не закроет их зрение в этом мире. Слишком много таких отчаявшихся пар прошло через его жизнь, и он ясно представлял, какая судьба их ожидает. Но почему так? Потому, что человеческие законы встали поперек течения Жизни, а жизнь в этих людях оказалась сильнее страха? При этом, как понять Ра? Он создает Жизнь и дает людям законы, а эти законы убивают созданную им Жизнь. Неужели Он действительно желает, чтобы эти двое и их еще не родившийся ребенок были убиты? Ведь, если Он этого не желает, то зачем дал им возможность встретиться и провалиться в их безумную страсть? Или зачем тогда Он дает людям закон, убивающий за то, что Он сам создает и допускает?

Ночь давно накрыла пустыню, но старик все сидел на своем камне и смотрел невидящими глазами на прекрасный мир, созданный Ра – россыпь звезд на черном бархате неба, яркий диск луны, далекие скалы, серебряные в лунном сиянии, и в нем все сильнее разворачивалась его собственная, давно забытая боль. В сознании вновь всплыли огромные черные глаза, полные слез, тонкие смуглые руки, которые цеплялись за его одежду, когда храмовая стража волокла его в темницу, суд жрецов, самодовольных мужчин в дорогих украшениях, защищенных своим законом, которые с негодованием смотрели на него, нарушившего обеты, и последовавшее наказание, равносильное смерти – изгнание в пустыню.

Долгие годы он скитался от деревни к деревне, прогоняемый ото всюду изгой мира людей, пока не нашел эту пещеру рядом с небольшим источником воды и научился выживать в нечеловеческих условиях, сведя к минимуму свои потребности. Постепенно боль утраты стала стихать, уступив место умиротворению. Затем, наступил день, когда он снова стал молиться, но не так, как когда-то в храме, бездумно выполняя положенные ритуалы, а совсем по-другому – искренне восхищаясь красотой мира: пустыней в переливах цветов и оттенков – от розового до фиолетового, весенними цветами, пальмовыми рощами, весело машущими своими длинными узкими листьями, бездонным ночным небом. Вместе с осознанием окружающей его красоты, в его сердце вошла любовь к Тому, кто все это создал, а вместе с любовью к Ра, особая сила, которая могла исцелять многие людские болезни.

Открылось это случайно, когда к его жилищу забрел изможденный долгой болезнью и скитаниями мужчина, которого родственники отправили в пустыню умирать. Тогда он, повинаясь неосознанному внутреннему импульсу положил руки на грудь больного и через них направил в него всю свою любовь к Ра. Когда он проснулся ранним утром, то увидел того, забредшего к нему человека здоровым и полным сил.

Вернувшись в свою деревню, мужчина рассказал людям, каким образом он так чудесно исцелился, после чего уединение закончилось. К пещере потянулся поток страждущих. Однажды, среди них оказался служитель того самого храма, где старик когда-то встретил свою любовь. Не узнав его, служитель на осторожные вопросы сообщил, что она жива и давно стала главной жрицей, пользующейся всеобщим почетом и расположением самого фараона...

...И вот опять эта, давно пережитая и забытая боль.

Ночь подходила к концу. Восток стал светлеть, меняя оттенки своего сияния от серебряного до голубого. Когда он стал розовым, пришло время вставать и идти к месту утренней молитвы. Но старик не двигался. Не сдвинулся он с места и тогда, когда солнце оранжевым диском поднялось из-за края земли.

Поднялся ветер, растрепал седые волосы, замахал пальмовыми листьями, поднял и погнал по пустыне веселый столб пыли.

Старик проследил глазами, в какую сторону двинулся маленький смерч, зашел в свое жилище, бросил в мешок лепешки, горсть фиников и меха с водой, взял свой старый посох и зашагал вслед за ветром в сторону столицы...

2. Ветер

Ветер свистел, кружил над полноводной рекой, приносил запахи дыма, вечерних трав в росе, речной свежести. Девушка, сидевшая на берегу, поднимала голову, прислушивалась, словно пытаясь понять смысл его звуков. Как это часто с ней в последнее время случалось, ее сердце было полно тревожного ожидания какого-то чуда, и она расстраивалась, что не понимает язык ветра, который пытается ей рассказать, где это самое чудо найти...

Шум в селении – громкий лай собак и крики людей, вывел из задумчивости. Она оглянулась и увидела группу незнакомых всадников, подъезжавших к ее жилищу.

Раньше бы она сразу вскочила и побежала посмотреть на гостей, но сейчас нехорошее предчувствие заставило помедлить. Когда же, наконец, она зашла в их юрту, то увидела несколько незнакомых стариков и молодого мужчину, почти мальчика, сидящих на почетных местах. Гости сразу начали с любопытством ее разглядывать, тихо между собой переговариваясь и качая головами.

– Гляди дочь – это твой жених. Скоро его женой станешь, – весело сказал ее отец, высокий крепкий мужчина, лучший охотник в племени. – Ждать не будем. Завтра полнолуние, вот вас и поженим.

Девушка взглянула на круглое ухмыляющееся лицо «жениха» и ее охватило отчаяние. Не говоря ни слова, она выбежала из юрты. Увидев на улице мать, кидающую куски мяса в висящий над костром котел, она села рядом с ней на землю и заплакала. Мать взглянула на нее с ласковой, понимающей улыбкой, покачала головой, но промолчала, решив поговорить, когда закончит стряпать праздничный ужин для дорогих гостей.

Из юрты вышел отец, прикрикнул на девушку, чтобы она вытерла слезы и шла к гостям, но та, вдруг, встала в полный рост и заявила, что своего мужа выберет себе сама, а этот может убираться туда, откуда приехал.

Отец разозлился, ударил ее по лицу и попытался схватить за руку, чтобы отвести силой, но девушка была быстрой и гибкой. Она легко вывернулась и побежала к реке.

В вечерних сумерках она сидела на своем привычном месте рядом с речным потоком, пытаясь понять, что делать дальше, когда заметила приближающуюся группу людей, зовущую ее по имени. Ни мгновение не колеблясь, она встала и бросилась в темную быструю воду...

...В то далекое время, когда он еще не был шаманом, все было по-другому. Далекие горы были голубыми и зовущими познать их тайны, охота приносила радость, а быстрые взгляды девушек волновали кровь. Все в жизни было ясно и определено. Нужно было только немного повзрослеть, стать настоящим охотником, выбрать в жены самую крепкую и здоровую девушку и жить как все люди – ходить в тайгу на охоту, слушать вечерами у костра сказки стариков, а ночью любить свою жену, дожидаясь рождения сына. Но духи решили иначе, после чего его сознание омрачила тяжелая болезнь. Он перестал понимать, кто он и в каком мире находится, боялся оставаться один и боялся находиться среди людей. Наедине с собой, он чувствовал, что его раздирают в клочья какие-то неведомые силы, а когда рядом оказывались люди, ему начинало казаться, что он сам – злой дух, готовый погубить их всех. Когда стало особенно тяжело, он решил уйти в тайгу, чтобы там в одиночестве умереть.

После долгого пути через вековой лес он добрался до скал, нашел небольшую пещерку, застелил пол пушистыми пихтовыми ветками, лег и стал ждать смерти.

Снаружи пещеры шумел ветер, раскачивал вершины старых кедров, свистел в их длинных иглах, словно рассказывая этому миру какие-то свои истории. Звуки окружали со всех сторон – свист ветра, капли воды с потолка пещеры, шорох листьев, скрип деревьев. Постепенно, хаотичное звучание начало складываться в единый ритм, который завладевал созна-

нием, закрывая одну реальность и одновременно, открывая другую. Через некоторое время он увидел себя на какой-то поляне, лежащим на жертвенном камне, окруженным самыми немислимыми существами. Вначале они стояли вокруг него, пристально разглядывая, словно читая его суть, затем начали разрывать тело на куски, небрежно отбрасывая их в стороны. Когда на камне ничего не осталось, один из духов взял старый деревянный посох, весь в каких-то знаках и начал нанизывать на него плотную субстанцию, постепенно формируя новое человеческое тело. Когда работа была сделана, духи с громким хохотом ушли, оставив его лежать на камне, осознавая произошедшее.

Внезапно на поляне что-то изменилось. Он приподнял свою новую голову и увидел перед собой старика шамана, смотрящего на него жестким холодным взглядом.

– Я умер. Теперь шаманом будешь ты, – не раскрывая рта беззвучно сообщил ему старик и исчез...

После возвращения все изменилось. Люди стали обходить его стороной, стараясь не встречаться взглядами, девушки больше не улыбались и даже собаки старались убежать, поджав хвост. Через некоторое время к нему подошли несколько старых охотников и, пряча глаза, попросили покинуть деревню, пообещав построить новое жилище на берегу реки неподалеку.

Тогда это его несколько не расстроило. Он был озабочен своим новым состоянием. Днем его охватывало глубокое безразличие ко всему, что окружало, а ночью он видел сны, во время которых к нему приходил старый шаман и показывал миры духов и миры людей, рассказывал про травы, живые камни, болезни и про многое другое.

Через некоторое время к нему стали приходиться со своими проблемами люди. Кто за исцелением, кто за советом, кто с просьбой извести врага. Его уважительно стали называть шаманом и приглашать на совет стариков, где обсуждались самые важные вопросы деревни. Затем, долгие годы тяжелого труда сделали его известным в самых дальних стойбищах, и он постоянно был занят решением чьих-то проблем, постепенно старея в своем одиноком жилище...

Много дней девушка металась в бреду, в своем сумрачном сознании продолжая сражаться с речным потоком, приходя на короткое время в себя и опять проваливаясь в бурное течение, которое куда-то ее несло, раздирая тело об острые камни, погружая в глубину омутов и опять выбрасывая на поверхность, чтобы она могла схватить глоток воздуха.

Шаман подходил к постели, хмуро смотрел на ее безумные глаза, смазывал раны вонючей мазью и укрыв шкурами тело, на котором, казалось, не было живого места, уходил по своим делам.

Или молодость взяла свое, или духи договорились со смертью подождать, но пришло время, и девушка очнулась. Осознав себя лежащей совершенно голой под шкурами в незнакомой хижине, она попыталась встать. От острой боли во всем теле потемнело в глазах. Сил не оказалось даже просто поднять голову и оглядеться. Единственное, что она могла видеть – низкий закопченный потолок, часть стены с висящими пучками трав, амулетами и большим старым бубном. То, что она лежит в жилище шамана, немного успокоило. Но где находится это жилище? Куда унесла ее река? Нашли ее родители или нет? И нужно ли ей будет выходить замуж за того круглолицего молодого охотника? Несмотря на жгучую боль в теле, она уже ругала себя за свою горячность.

Скрипнула дверь, и она увидела перед собой лицо незнакомого пожилого мужчины. Он пристально смотрел на нее холодным, немигающим взглядом, вызывая леденящий страх.

– Будешь жить, – сказал он равнодушным голосом. – Благодаря духов за то, что привели меня. Река тебя в океан хотела унести. В подарок.

– Где я? Где мои родители? – спросила девушка хриплым голосом.

– Хотел бы я знать, где они, чтобы быстрее тебя забрали. Откуда ты приплыла, рыбка?

Слушая путанные объяснения, шаман морщил лоб, пытаясь ее понять. Затем ему это занятие надоело, он напоил ее горьким травяным отваром и ушел...

Шли дни. Девушка постепенно окрепла, смогла вставать, затем выходить на улицу. Раны ее беспокоили все меньше и все сильнее в присутствии шамана ее охватывал ужас и какой-то трепет. Она расспрашивала его о своем поселении, дороге к нему, но тот только пожимал плечами, не зная, что ответить. Каких-то особенных примет девушка назвать не могла, река, из которой он ее достал, была полноводной, со многими другими впадающими реками, поэтому понять, откуда она объявилась в его мире, было сложно.

На ее счастье, хозяин относился к ее присутствию снисходительно, заботливо осматривал и обрабатывал еще не зажившие раны, делился своей едой, не ругал и не выгонял жить на улицу.

Постепенно между ними возникло молчаливое согласие. Она занималась его хозяйством, убирала хижину, готовила еду, следила за одеждой, а он позволял ей оставаться рядом с собой и делился подношениями, которые приносили приходившие за помощью люди.

Затем, она стала замечать на себе его какой-то особенный, пристальный изучающий взгляд. Но это ее уже не страшило, а наоборот, наполняло волнением и радостью.

Через несколько месяцев такой жизни для нее наступил период бессонных ночей, когда она лежала на своих, расстеленных в углу шкурах и слушала его дыхание, ожидая, то ли сна, то ли чего-то более важного и пугающего.

Это «важное» случилось в ночь сильной бури, когда хижина содрогалась от резких порывов ветра. Буйство стихии волновало, кружило голову, не давало уснуть. Девушка села на своем ложе, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к его спокойному дыханию, затем поднялась, подошла, не спрашивая разрешения забралась под шкуры и прижалась к его горячему телу...

После этой ночи, их жизнь, внешне, совсем не изменилась. По-прежнему, днем каждый из них занимался своими делами, почти не разговаривая и не обращая друг на друга внимания. Но каждую ночь теперь она ложилась рядом с ним, и в ее объятиях он забывал про все, растворяясь в их общем пространстве любви...

Шли годы, девушка расцвела и превратилась в красивую женщину, на которую заглядывались многие охотники, но опасаясь шамана, обходили стороной. Сам же шаман постепенно старел. Конечно, он все еще справлялся со своими обязанностями и иногда надолго уходил в тайгу на охоту, но ему все чаще приходили мысли о конце земного пути и о том, кто станет его преемником. Он задавал этот вопрос духам, но они только смеялись и говорили, чтобы он не спешил покидать мир людей, так как его смерть пока занята другими, более важными делами.

Но главное, шаман, хоть и не подавал виду, беспокоился о своей женщине, думая о том, что с ней будет после его ухода. Несколько раз он пытался обсудить эту тему, но она только отмахивалась, говоря, что это не он, а она о нем заботится и, если понадобится, замечательно проживет одна. Однажды он даже предложил ей выйти замуж за молодого охотника, который смотрел на нее особенно влюбленными глазами, но, получив увесистый удар черпаком по спине, эту тему больше не поднимал. Вместо этого, он начал активные поиски ее родственников, осторожно расспрашивая приходивших к нему за помощью людей. Вскоре, один из них рассказал трагическую историю, случившуюся в их деревне с семьей уважаемого охотника, дочь которого бросилась в реку, чтобы не выходить замуж, после чего ее отец заболел и умер, а мать сошла с ума. Из всей семьи остался лишь младший брат, которого воспитали соседи.

Шаман отправился в путь, нашел деревню и брата своей женщины. В разговоре он осторожно расспросил его о родственниках. Злоба, с которой молодой мужчина говорил о сестре, обвиняя в гибели семьи, поразила шамана. Он постарался побыстрее закончить разговор и вернулся домой, утаив цель своей поездки.

Все чаще он стал привлекать ее к своим занятиям, рассказывая о травах, камнях, и духах, которые приходят к людям с болезнями, о том, как нужно с ними разговаривать, убеждая покинуть больного, или, наоборот, как отправить их к кому-нибудь, чтобы вызвать болезнь. Вначале ей было страшно, но вскоре все это стало привычным и естественным.

– Откуда ты знаешь, как нужно лечить?

– Духи говорят как.

– Ты каждый раз их спрашиваешь?

– Смотря какой случай. Если, к примеру, у тебя нужно будет занозу из языка вытащить, сам справлюсь.

– А мне они скажут?

– Если сумеешь спросить.

– Ты меня научишь?

– Когда будешь готова.

Ушел он внезапно, когда ее не было дома. Вернувшись из леса, она увидела его лежащим на их лежанке, с глазами, смотрящими куда-то в даль. Она не закричала, не заплакала, спокойно выполнила положенный ритуал, после чего перетащила тело к реке, положила в лодку и отпустила в вечность.

Ночью она долго лежала без сна, упершись остановившимся взглядом в темноту, а затем, он к ней пришел. Взял за руку и отвел на поляну к большому костру, где их ждали странные существа. Он дал ей в руки бубен и приказал стучать. Руки ее сами выбрали правильный ритм и все вокруг начало странный дикий танец, во время которого она увидела, как меняется ее тело, становясь сильнее и гибче.

– Теперь шаман – ты, – сквозь грохот бубна услышала она его голос. – Но я буду рядом. Буду ждать. Когда закончишь, уйдем вместе...

Утром, когда она проснулась, у ее изголовья стоял его старый бубен...

Вскоре, по окрестным селениям разошлись слухи о молодой сильной шаманке и к ней потянулись люди. Кто за исцелением, кто за советом, кто, с просьбой извести врага. Она охотно принимала участие в праздниках, куда ее приглашали, и мощный звук ее бубна гремел над тайгой, отгоняя злых духов и привлекая людям изобилие.

Шли годы, а она так и жила в их старой хижине одна, и уже никто из охотников не осмеливался посмотреть ей прямо в глаза, при встрече почтительно опуская голову.

В ее последний день, он предупредил, что будет ждать вечером на берегу реки. Она поднялась на холм, возвышающийся над тайгой и поднявшийся ветер разнес далеко по окрестным лесам звук ее бубна, несущий песню любви и счастья...

Встретившись у реки, они взяли за руки, вступили на лунную дорожку и пошли в свою вечность, а река, весело журча, смывала за ними их следы...

3. Колдун

Сколько он себя помнил, он всегда был таким – уродливым карликом с лицом, искаженным ужасной гримасой, которая застыла на нем, кажется, навечно. Люди как-то сказали ему, что было время, когда он был обычным ребенком, веселым и счастливым в своем беззаботном детстве. Но затем, демон страшной болезни захватил его, чуть не убил и навсегда оставил ужасным калеккой, вызывающим страх и отвращение всех, кто его видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.